

остров — это самостоятельный мир,
из которого можно и не вернуться

Карло и Мэри
Эта книга для них,
посвящается им с любовью.

Примечание автора

Я написала эту книгу потому, что это было очень трудно технически, и идея преследовала меня неотступно. На глазах читателя должны были произойти десять убийств, причем так, чтобы это было не смешно и не очевидно. Прежде чем начать писать, я прошла через длительный период планирования, результатами которого осталась довольна. Вещь получилась простой, внятной и ошеломительной и в то же время имела вполне разумное объяснение; для него, однако, потребовался эпилог. Книгу хорошо приняли читатели и критики, но больше всего была довольна результатом я сама — ведь никто лучше меня не знал, как это было непросто.

Из «Автобиографии»

Десять негрятя решили пообедать,
Один внезапно подавился — их осталось девять.

Девять негрятя уселись под откосом,
Один заснул и не проснулся — их осталось восемь.

Восемь негрятя отправились в Девон,
Один не возвратился — остались всемером.

Семь негрятя дрова рубили топором,
Перерубил один себя — остались вшестером.

Шесть негрятя пошли на пасеку играть,
Одного ужалил шмель — и их осталось пять.

Пять негрятя суд учинить решили,
Приговорили одного — осталось их четыре.

Четыре негрятенка пошли поплавать в море,
Один попался на крючок — и их осталось трое.

Трое негрятя в зверинце очутились,
Одного задрал медведь — и двое получилось.

Двое негрятя пошли на солнышке валяться,
Один до смерти обгорел — чтоб одному остаться.

Последний негрятенок, вздыхая тяжело,
Пошел, повесился — и вот не стало никого.

Глава 1

I

В вагоне первого класса для курящих судья Уоргрейв — недавно в отставке — сидел в уютном уголке и, попыхивая сигарой, с интересом просматривал политические новости в «Таймс».

Отложив газету, он посмотрел в окно. Поезд шел через Сомерсет. Судья взглянул на часы — еще два часа в дороге.

Он перебрал в уме все, что в последнее время появлялось в газетах о Негритянском острове. Сначала крошечный островок в паре миль от побережья Девона приобрел один американский миллионер, помешанный на яхтах, и построил на нем роскошный дом со всеми современными удобствами. К несчастью, оказалось, что его новая, третья по счету, супруга не выносит качки, и дом вместе с островом выставили на продажу. Газеты запестрели многочисленными цветистыми объявлениями. Затем последовало скупое сообщение о покупке дома неким мистером Оуэном. И тут газетные писаки пустились во все тяжкие.

На самом деле Негритянский остров купила не кто иная, как мисс Габриэль Терл, голливудская кинозвезда. Она собиралась провести там несколько месяцев вдали от людских глаз. «Трудовая пчела» деликатно намекала, что острову предстояло стать обителью члена королевской семьи?! Мистеру Мерриуэзеру шепнули, что там намерен провести свой медовый месяц молодой лорд Л., наконец-то сраженный стрелой Купидона. А Джонасу было достоверно известно, что остров приобретен Адмиралтейством с целью проведения на нем каких-то невероятно секретных испытаний.

Негритянский остров определенно стал сенсацией.

Судья Уоргрейв извлек из кармана письмо. Почерк был практически нечитаемый, однако отдельные слова выступали из общей текстовой вязи удивительно ясно. «Дорогой Лоуренс... сколько лет я ничего о тебе не знаю... должен приехать на Негритянский остров... самое очаровательное место в мире... о нем столько говорят... прежние времена... единение с природой... ближе к солнцу... в 12.40 с вокзала Паддингтон... встретимся в Оуксбридже...» И подпись с замысловатыми завитушками: «Констанция Калмингтон».

Судья Уоргрейв задумался, вспоминая, когда же он видел Констанцию Калмингтон в последний раз. Лет, наверное, семь... нет, восемь лет назад, точно. Помнится, она еще собиралась в

Италию, к тамошнему солнцу, природе и контадини¹. Позже, он слышал, она перебралась в Сирию, где солнце палит неумолимо, а кругом пустыня и бедуины.

Констанция Калмингтон, подумал он про себя, как раз та особа, которой станется купить остров и окружить его тайной! Мерно покачивая головой, словно одобряя ход своих мыслей, судья Уоргрейв заклевал носом...

И уснул.

II

Вера Клейторн в купе вагона третьего класса, где ей составляли компанию еще пятеро пассажиров, откинулась на спинку и закрыла глаза. До чего же жарко сегодня в поезде! И как хорошо будет оказаться у моря! Нет, с этой работой ей определенно повезло. Когда ищешь летнюю подработку у моря, неизбежно предлагают места гувернанток с целыми выводками ребятишек, секретарские же вакансии попадают крайне редко. В агентстве, куда она обратилась, ее с самого начала не обнадежили.

А потом вдруг пришло это письмо...

Сведения о вас вместе с рекомендациями я получила из Агентства по найму квалифицированного женского персонала. Насколько я по-

¹ Крестьянство (ит.).

Агата Кристи

няла, они знают вас лично. Рада предложить вам работу за те деньги, которые вы просите, и ожидаю, что вы приступите к выполнению своих обязанностей восьмого августа. Поезд уходит с Паддингтона в 12.40, на станции Оукс-бридж вас встретят. На расходы прилагаю пять купюр по одному фунту стерлингов.

Ваша

Анна Нэнси Оуэн

И штемпель с адресом сверху: «Негритянский остров, Стиклхэвн, Девон»...

Негритянский остров! В газетах в последнее время только о нем и пишут. И все слухи и домыслы... Ни слова правды, скорее всего. Однако дом, причем роскошный, на самом деле выстроил миллионер.

Вера Клейторн, утомленная последним, самым тяжелым школьным семестром, подумала: «Должность учительницы физкультуры в третьеразрядной школе для девочек не бог весть какая удача. Если бы мне повезло добыть место поприличнее...»

И тут же с захолонувшим сердцем подумала: «Хорошо, что хотя бы туда взяли. Упоминание о коронерском расследовании личное дело не украшает, пусть с меня и сняли все обвинения!»

Помнится, тогда она еще поздравила себя с тем, что ей не изменили твердость и при-

существование духа. Дознание прошло как нельзя лучше. И миссис Хэмилтон была с ней сама доброта... только Хьюго... не надо сейчас думать о Хьюго!

Вдруг, несмотря на духоту в вагоне, она почувствовала, что зябнет, и даже пожалела, что едет к морю. Перед ее внутренним взором встала отчетливая картинка. Сирила несет на скалы, его голова покачивается на волнах, точно буй... вверх-вниз, вверх-вниз... и она сама, уверенными гребками рассекая волны, плывет за ним, точно зная, что не успеет, на этот раз не успеет...

Море... его теплая глубокая синева... утра, проведенные на гладком песочке... Хьюго... Хьюго, который твердил ей, что любит...

Не надо думать о Хьюго...

Открыв глаза, она нахмурилась, глядя на мужчину напротив. Высокий, загорелый, светлые, немного слишком близко посаженные глаза и высокомерный, даже жестокий рот.

Она подумала:

«Вот уж кто наверняка где только не побывал и чего только не повидал...»

III

Филипп Ломбард, окинув девушку напротив быстрым взглядом, сказал себе: «Ничего, симпатичная; немного похожа на учительницу, правда».

К тому же хладнокровна и своего не упустит, ни в любви, ни на войне. С такой стоило бы познакомиться поближе...

Тут он нахмурился. Нет, это надо выбросить из головы. Он едет туда по делу. Значит, думать следует только о работе.

Интересно, что там у них все-таки затевается? Тот коротышка-еврей ничего ему толком не объяснил.

— Вы должны либо согласиться, либо отказаться, капитан Ломбард.

— Сто гиней, говорите? — задумчиво переспросил он.

Прозвучало это небрежно, так, словно для него сотней гиней больше, сотней меньше — особого значения не имеет. Сто гиней для человека, которому уже приличный обед купить не на что! Однако еврей, похоже, не обманулся его тоном — их не проведешь, этих евреев, они всегда насквозь видят человека и его карман...

И так же небрежно он спросил:

— Значит, никакой дополнительной информации вы мне не дадите?

Мистер Исаак Моррис решительно покачал маленькой плешивой головой:

— Нет, капитан Ломбард, это все, что мне позволено вам сообщить. Моему клиенту стало известно, что у вас репутация надежного человека, умеющего действовать в рискованных об-

стоятельствах. Я уполномочен вручить вам сто гиней, в обмен на которые вы должны будете поехать в Стиклхэвн, что в Девоне. Ближайшая железнодорожная станция — Оуксбридж; там вас встретят и доведут в автомобиле до берега, откуда в моторной лодке переправят на Негритянский остров. Ступив на его берег, вы окажетесь в распоряжении моего клиента.

— Надолго? — отрывисто спросил Филипп.

— Нет, самое большее, на неделю.

Поглаживая усы, капитан Ломбард сказал:

— Вы ведь понимаете, что я не могу братья за... противозаконные дела?

С этими словами он метнул на собеседника острый взгляд. Толстые семитские губы мистера Морриса чуть заметно изогнулись в улыбке, когда он серьезно ответил:

— Если сделанное вам предложение окажется противозаконным, вы имеете полное право отказаться от него.

Черт бы побрал этого мелкого наглеца, еще и улыбается! Как будто знает, что в прошлом мысль о законности или незаконности того или иного предприятия никогда не останавливала Ломбарда...

Губы капитана раздвинулись в ответной усмешке.

Да, было дело, разок-другой ему довелось забрать очень круто к ветру. Но все всегда схо-